

Поэт, влюблённый в Россию

Австрийский поэт Райнер Мария Рильке (1875–1926) в 1921 году, ощущая близость смерти, составил «Завещание». В нём он своё знакомство с Россией сравнил со встречей с идеальной возлюбленной, говоря о себе в третьем лице, написал: «О, если бы она существовала, какой это было бы ему опорой! Быть может не меньшей, чем однажды, в пору его юности, стала ему Россия. Угнетённый некоторыми злосчастными обстоятельствами детства, он до конца своего второго десятилетия жил в убеждении, что ему, одинокому и ото всех отринутому, противостоит враждебный мир, превосходящий натиск которого необходимо выдерживать каждый день заново. Из столь ложной установки, даже при подлинности переживаний, могло родиться лишь нечто извращённое и больное. И вот Россия, без долгих увещаний, в одну ночь — буквально в первую же московскую ночь — бережно освободила его от злых чар этой подавленности. Не склонная к самолюбованию, эта несуетная, кроткая страна словно неким своим непреходящим *временем-года-сердца* дала ему неистощимые доказательства прямо противоположного. И как поверил он ей! Каким блаженством было ощутить себя частичкой человеческого братства! И хотя в исповедании этой гармонии ему суждено всегда пребывать начинающим (не мог же он, в самом деле, остаться в России навсегда), все же он никогда не забывает о ней, он помнит и практикует её»¹.

Россия помогла поэту полюбить мир. Благодаря ей он научился воспринимать жизнь как радость, несмотря на все даруемые судьбой невзгоды. Благодарный, Рильке через всю жизнь пронёс трепетное чувство к Московии.

Встрече с Россией способствовала женщина, любимая женщина, — уроженка Петербурга Лу (Луиза Густавовна) Саломе (в замужестве Андреас). Она получила хорошее образование, была близко знакома с самим Фридрихом Ницше. Ещё до встречи с Лу (в мае 1897 года) Рильке знал творчество

¹ Цит. по: Хольтхузен Г. Э. Райнер Мария Рильке, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни / Пер. с нем., составл., приложения и послесл. Н. Болдырева. — Челябинск, 1998. — С. 289–290.

Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева. Она познакомилась с поэтом с путешествовавшим по Европе критиком, редактором «Северного вестника» Акимом Волынским, и вскоре в петербургском журнале появилось первое произведение Рильке, переведённое на русский язык, — рассказ «Все в одной»².

Первая поездка в Россию состоялась в 1899 году. 15(27) апреля поэт и супруги Андреас прибыли в Москву. У Рильке было рекомендательное письмо к Л. О. Пастернаку, и он в тот же день навестил живописца, отца великого русского поэта, тогда девятилетнего мальчика. Л. О. Пастернак помог Рильке и супругам Андреас встретиться на следующий день с Л. Н. Толстым, который в это время находился в Москве. Знакомство с автором «Войны и мира» и вообще с Россией произвело на австрийского поэта огромное впечатление. Он писал из Петербурга своему знакомому доктору Гюго фон Залюсу: «Три недели, как я в России, но мне так приятно и хорошо, будто я здесь уже три года. Москва была первой целью. На пасху первая радость. Толстой, которого я посетил, — первый человек в новой стране, и трогательнейший человек, истинно русский»³. В Петербурге поэт увлёкся изучением русской живописи (древней и современной). 6(18) мая он сообщает своей знакомой Е. М. Ворониной: «Сегодня мы были у Репина. И это было прекрасно. Он — художник по натуре своей. <...> Вот видите, этот Репин — опять-таки русский человек. А все настоящие русские — это такие люди, которые в сумерках говорят то, что другие отрицают при свете. Ваш язык для меня — лишь звук, но я не собираюсь подыскивать для него какой-либо смысл; есть такие часы, когда сам звук становится и значением, и образом, и словом. И я теперь знаю, что такие часы — русские и что я их очень люблю»⁴. Почти через месяц, 28 мая (9 июня), той же корреспондентке Рильке написал: «Я обложился различными папками, углубился в них, рассматривал древние русские

² Рильке Р. М. Все в одной / Пер. С. Шпильберг // Северный вестник. — 1897. № 10. — С. 71–78.

³ Цит. по: Зайденин Э. Р.-М. Рильке у Толстого // Литературное наследство. — М., 1939. — Т. 37–38. — С. 708.

⁴ Цит. по: Азадовский К., Чертков Л. Русские встречи Рильке // Рильке Р.-М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи / Науч. ред. И. Д. Рожанский; Сост. Е. В. Головин. — М., 1971. С. 360–361.

иконы, изучал изображение Христа и мадонн православной церкви и понял, чем отличается Владимирская богоматерь от Смоленской. Мне всё ещё кажется, что эти вещи имеют громадное значение; это даже то единственное, что имеет смысл знать, и я не пожалею сил для того, чтобы осмотреть, исследовать и изучить всё, что находится в какой-либо связи с этим искусством. <...> Итак, вы чувствуете, какое огромное значение приобрели для меня эти русские недели. Моё искусство стало сильнее и богаче на целую необозримую область, и я возвращаюсь на родину во главе длинного каравана, тускло поблескивающего добычей»⁵. Через неделю поэт покинул Россию.

Уроженец Праги, Рильке, после посещения Москвы и Петербурга, почувствовал себя славянином. Посылая Л. Н. Толстому в сентябре 1899 года свою книгу «Две пражские истории» (Штутгарт, 1899), он в сопроводительном письме подчеркнул свою причастность к славянству:

«Глубокоуважаемый граф, уже в тот знаменательный вечер в Москве, когда мы трое, госпожа Лу Андреас-Саломе, доктор Ф. Андреас и я, были одарены глубочайшим впечатлением вашей личности, объединившим нас в глубоком чувстве, у нас явилось желание вновь побывать у вас, посредством какой-нибудь книги, чтобы подольше сохранить ту близость, которая так просто и прекрасно была создана вашей добротой.

Вы интересовались тогда бабидами, глубокоуважаемый граф. Поэтому мы посылаем вам тогда только упомянутую брошюру о них; госпожа Лу Андреас-Саломе приложила свою последнюю книгу, а я — маленькую книжку, вылившуюся из моих смутных чувств, привязывающих меня к моей славянской родине, к Праге»⁶.

О том впечатлении, какое произвела на него Россия, о намерении её вновь увидеть Рильке сообщил Л. О. Пастернаку в письме от 24 января (5 февраля) 1900 года: «Я должен вам, во-первых, рассказать, что Россия, как я и предсказывал вам,

⁵ Цит. по: *Азадовский К., Чертков Л.* Русские встречи Рильке // *Рильке Р.-М.* Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи / Науч. ред. И. Д. Рожанский; Сост. Е. В. Головин. — М., 1971. — С. 361–362.

⁶ Цит. по: *Зайденишнур Э.* Р.-М. Рильке у Толстого // *Литературное наследство.* — М., 1939. — Т. 37–38. — С. 708.

не была для меня случайным событием, что я с августа прошлого года почти исключительно занят изучением русской истории, искусства, культуры и вашего красивого, несравненного языка. Хотя я ещё не могу говорить, но читаю почти без труда ваших великих, ваших таких великих поэтов! Я понимаю также большую часть из того, что говорят. И что за радость читать в оригинале стихи Лермонтова или прозу Толстого. Как наслаждаюсь я этим! Ближайший результат этого изучения тот, что я необычайно тоскую по Москве, и если ничего особенного не произойдёт, то 1 апреля русского стиля буду у вас, чтобы на этот раз дольше, уже как посвящённый и знающий, пожить в вашем обществе»⁷.

Язык Московии так увлёк австрийского поэта, что он даже пробовал писать стихи по-русски. Вот один из этих опытов:

Родился бы я простым мужиком,
То жил бы с большим простым лицом:
В моих чертах не доносил бы я,
Что думать трудно и чего нельзя
Сказать...⁸

Своё намерение второй раз посетить Россию Рильке осуществил. Поездка продолжалась с мая по август 1900 года. Во время неё произошла встреча с «простым мужиком» — крестьянским поэтом Спиридоном Дрожжиным, со стихами которого Рильке познакомился несколькими месяцами ранее. Он сообщал в феврале своей знакомой писательнице С. Н. Шиль: «Сразу же начну с того, что меня особенно порадовало, — С. Дрожжина. Это было для меня большой неожиданностью. Та зрелая простота, за которой угадывается глубокий и молчаливый, одинокий человек, объединяется с прекрасным звучанием, мастерством и подвижностью ритма. Я тотчас же перевёл кое-что». Личная встреча двух поэтов состоялась в июле 1900 года. С. Д. Дрожжин вспоминал:

«В среду, 5-го июля, около 2-х часов пополудни, в деревне слышался звон колокольчика. Я вышел из крыльца, когда уже ямщицкая тройка бодрых лошадок завернула к моему дому.

⁷ Цит. по: *Зайденишур Э. Р.-М. Рильке у Толстого // Литературное наследство. — М., 1939. — Т. 37–38. — С. 709.*

⁸ *Рильке Р.-М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. — М., 1971. — С. 419.*

Первым вышел из тарантаса Райнер Рильке. Он был одет в триковую английскую куртку, в башмаках с открытыми до колен чёрными чулками и с тростью. <...> Началось чаепитие, и завязалась общая беседа. Рильке говорил по-русски не так правильно, как сопутствующая ему Андреас Саломе, но очень понятно. Он передал мне вырезку из “Прагского Вестника” за апрель 1900 года переведённых им из моей книжки “Песни крестьянина” на немецкий язык 2-х стихотворений: “Прими меня сторонюшка родная” и “В родной деревне” (“Всё тот же лес, всё те же косогорья...”).

В понедельник, 10-го июля, когда мои гости стали собираться к отъезду в Петербург, я, вручая им на память по книжке моих стихотворений и по портрету, исполненному в 1898 году в Москве фотографией П. П. Павлова, попросил их написать мне что-нибудь на память в мой альбом, открыл перед глазами Рильке пустую страницу альбома и подал ему перо.

— Что же вам написать? — улыбаясь спросил меня Райнер Осипович.

— Да напишите мне, пожалуйста, свою краткую автобиографию.

Он, немного подумав, взял перо и написал следующее:

“Родился я в Праге (Богемия) в 1875 году, 4 декабря. До десятилетнего возраста жизнь моя проходила в родном доме, и затем я был отдан в офицерское военное училище, в котором пробыл пять лет. После этого, дома окончил курс гимназии.

Писательство моё началось с десятилетнего возраста, в начале прозой, затем стал писать драмы и лирические стихотворения. До сих пор (1900 г.) написано мной и издано: 4 книги стихотворений, 3 книги прозаических сочинений и 3 книги драматических”.

Написав это, он прибавил ещё следующее:

“Я говорил вам не один раз, что ваши стихотворения я очень *чрезвычайно* люблю. И теперь ещё больше понимаю и люблю их, когда я увидел родину ваших песен, вашу деревню и жизнь вашу в ней. Райнер Иосиф. Рильке”»⁹.

Во вторую поездку произошла и ещё одна встреча с Л. Н. Толстым. На этот раз также помог Л. О. Пастернак. Художник

⁹ Дрожжин С. Д. Современный германский поэт Райнер Рильке // Путь. — 1913. — № 12. — С. 30–32.

вспоминал: «Следующая моя встреча с Рильке летом 1900 года была короткой и мимолётной. В этот раз он приехал в Россию с намерением совершить большое путешествие. Случайно мы встретились на станции между Москвой и Тулой. Я с семьёй ехал на юг. Когда я вышел из вагона на какой-то станции, то вдруг увидел Рильке. После радостного приветствия я спросил его, куда он направляется. Оказалось, что он собирается в Ясную Поляну, но — стал жаловаться Рильке — он не может установить, находится ли Толстой в данный момент у себя в Ясной или уехал куда-нибудь... Я был в состоянии тут же помочь ему в его затруднительном положении; в том же поезде ехал один близкий друг Толстого, который сейчас же телеграммой известил Толстых и таким образом облегчил Рильке посещение Ясной Поляны и встречу с Львом Николаевичем»¹⁰.

Далее Л. О. Пастернак сообщает важную подробность: «Такой же случайностью было и то, что мой сын Борис (тогда ещё десятилетний гимназист), вышедший из вагона со мной на перрон станции, в первый и последний раз в жизни видел Рильке — ещё молодого»¹¹.

После 1900 года связь Пастернаков с австрийским поэтом на долгое время прервалась.

Во время Гражданской войны какие только страшные слухи ни бродили по истерзанной России, прокатился и слух о смерти Рильке. Оказавшись в 20-е годы за границей, Л. О. Пастернак узнал: поэт жив. 8 декабря 1925 года художник посылает своему давнему знакомому поздравление с 50-летием. В письме также говорилось: «Помните ли Вы ещё старую, очаровательную — теперь ставшую легендарной, ставшую сказкой Москву?.. Толстого, его дом, Ясную Поляну? <...> Если бы Вы знали, как мои дети любят каждую Вашу строфу, каждую строчку Вашу! Особенно мой старший сын Борис — прославившийся и ценимый в России молодой поэт — Ваш самый горячий поклонник, Ваш самый серьёзный и искренний ценитель»¹². Рильке, в это время лечившийся в швейцарском

¹⁰ Пастернак Л. О. Записи разных лет / Тексты собраны и обработаны Ж. Л. Пастернак, подгот. к печати А. Л. Пастернаком. — М., 1975. — С. 147.

¹¹ Там же. — С. 148.

¹² Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года / Подгот. текстов, сост., предисл., переводы, коммент. К. М. Азадовского, Е. Б. Пастернака, Е. В. Пастернак. — М., 1990. — С. 45–46.

санатории Валь-Мон, ответил 14 марта 1926 года: «И я хочу Вас сразу же заверить, что Вы и Ваши близкие, всё, что касается старой России (незабываемая таинственная *сказка*), всё то, о чём Вы мне напомнили Вашим письмом, — всё это осталось для меня родным, дорогим, святым и навечно легло в основание моей жизни! <...> С какой силой и каким волнением, дорогой *Леонид Осипович Пастернак*, я почувствовал это в прошлом году в Париже: я встретил там своих старых русских друзей и нашёл новых, и с разных сторон меня коснулась ранняя слава Вашего сына Бориса. Последнее, что я пробовал читать, находясь в Париже, были его очень хорошие стихи (в маленькой антологии, изданной *Ильёй Эренбургом*, — к сожалению, я потом подарил её русской танцовщице *Миле Сируль*; говорю “к сожалению”, потому что мне не раз хотелось перечитать их)»¹³.

Б. Л. Пастернак, очень взволнованный отзывом метра, просит М. И. Цветаеву написать в Валь-Мон. Сам не пишет, поскольку надеется всё, что накопилось в душе, передать Рильке при личной встрече, которая, он верит, скоро произойдёт. Так завязалась душевная, трепетная переписка австрийского поэта с русским — М. И. Цветаевой. В последнем письме к ней Рильке сказал: «Молчание Бориса беспокоит и огорчает меня; значит, всё-таки моё появление преградило путь его бурному стремлению к тебе? И хотя я вполне понимаю, что ты имеешь в виду, говоря о двух “заграницах” (исключающих друг друга), я всё же считаю, что ты строга и почти жестока к нему (и строга ко мне, желая, чтобы никогда и нигде у меня не было иной России, кроме тебя!) Протестую против любой исключительности (она коренится в любви, но деревенеет вырастая...): принимаешь ли ты меня и таким, *ещё* и таким?»¹⁴

29 декабря 1926 года Райнера Мария Рильке не стало.

Тогда в России имя австрийского поэта было мало кому известно. Из печати вышла лишь одна его поэтическая книжка, в переводах Александра Биска, — «Собрание стихов» (Одесса, 1919). Прошло 30 лет, но ситуация не изменилась. В 1956 году

¹³ *Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года / Подгот. текстов, сост., предисл., переводы, коммент. К. М. Азадовского, Е. Б. Пастернака, Е. В. Пастернак. — М., 1990. — С. 47–48. Выделенные курсивом слова написаны Рильке по-русски.*

¹⁴ Там же. — С. 196.

в предисловии к сборнику своих стихотворений (оно было опубликовано позднее под названием «Люди и положения») Б. Л. Пастернак с горечью констатировал: «У нас Рильке совсем не знают. Немногочисленные попытки передать его по-русски неудачны»¹⁵. Чтобы показать русским читателям, что же представляет из себя поэзия Рильке, поэт здесь же, в предисловии, поместил сделанный им перевод двух стихотворений — «За книгой» и «Созерцание». Эта работа до сих пор является образцом для всех, кто пробует перекладывать на русский язык творчество австрийского поэта.

Только в 1970-е годы любовь Рильке к России начала обретать взаимность, вышло сразу несколько книг с переводами его произведений¹⁶. И в последующие годы Рильке в России активно переводится и издаётся — стихи, проза, письма. Только драматургия, на наш взгляд, незаслуженно обделена вниманием. Восполняя, в некоторой степени, этот пробел, мы помещаем в данном сборнике две пьесы поэта.

Евгений Никитин

¹⁵ Пастернак Б. Л. Собр. соч. в 5 т. / Сост., подгот. текста и коммент. В. М. Борисова и Е. Б. Пастернака. — М., 1991. — Т. 4. — С. 314.

¹⁶ Перечень переводов произведений Рильке на русский язык, выпущенных отдельными изданиями и помещённых в журналах, дан в кн.: Хольтхузен Г. Э. Райнер Мария Рильке, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. — Челябинск, 1998. — С. 275–276.

Поэзия

Из сборника «Жизнь и песни»

Всё кончено

В любви и верности до гроба
Клялись, шептали: верь.
Как счастливы мы были оба...
Всё кончено теперь

Угас, увял порыв душевный,
Усталый, он исчез.
Душе от скуки повседневной
Уже не до небес.

Но вспомни — как и мы — пылали
Цветы вокруг тогда!
Увы, прекрасные увяли,
Увяли навсегда.

Увял, растаял май чудесный.
Опущены крыла.
Как тихо! Радостная песня
Навеки умерла?

И всё же через сердце льётся
И шепчет: позови!
Чуть слышная, как всплеск в колодце,
Мелодия любви!

Да, это было в мае

Весь мир тогда лежал у наших ног
Мы шли вдвоем неторопливо,
Порхал над лепестками мотылек —
Такой же, как и мы, — счастливый,
И мы клялись, клялись друг другу в том,
Что это — только лишь начало...
Да, это было в мае золотом,
И всё вокруг благоухало!

Опять сияло солнце, мир расцвёл —
Цветок торжественно-прекрасный,
И я, не торопясь, по полю шёл,
Один, покинутый, несчастный...

Тростник покачивало ветерком,
На дне пруда она лежала...
Да, это было в мае золотом,
И всё вокруг благоухало!

Моё сердце

На сердце тяжело,
Не знаю, что со мною...
Нет, знаю — это ты,
Ты, милая, виною.

С тех пор, как я тебя
Увидел, дорогая,
Принадлежу тебе,
От ревности сгорая.

Ты хочешь, чтобы так
Всё оставалось вечно?
Любимая моя,
Ну, хочешь же, конечно!

Я верен, ну а ты —
Забыла, разлюбила.
Сокровище моё,
Ты сердце мне разбила.

Сборник «Жертвы ларам»

В старом доме

Я в старом доме; предо мной
Вся Прага и её окрестность;
Нисходят сумерки на местность,
Всё тихо покрывая мглой.

Как богатырь одетый в шлем,
В закате зеленью играя,

Глава Святого Николая
Одна восстала надо всем.

Огни, огни — куда ни глянь —
Мерцают в нестерпимом гомоне, —
Но, слышу, в этом старом доме
Твой голос шепчет мне: «Аминь».

На Малой Стране

Готические старые дома.
С высоких башен звон приятный слышен.
Клок неба, как поэзия сама,
На тесный двор глядит с карниза крыши.

Устало улыбаются Амуры
На столбиках под тяжестью перил;
На крыше, высоко, резную урну
Венок из роз, почти живых, обвил.

Окутаны ворота паутиной.
По пыльным плитам луч скользит, украдкой
Читая текст таинственный, старинный,
Мадонны каменные дремлют сладко.

Усадьба

Широкий въезд ведет меня домой —
Дом каменный состарился немножко.
Мощенная булыжником дорожка,
И на углу горит фонарь слепой.

Здесь ласточка в воротах строит дом,
С карниза голубь смотрит внутрь строения.
Я это называю настроением,
Я это называю колдовством.

Градшин

Стены замка смотрят с теплотою,
Их изъели ветер, дождь и снег,
Их ребенок трогает рукою,
Глядя вверх.

Их приветствуют валы крутые,
Волны бьются, слышные в тиши.
С моста смотрят важные святые
На Градшин.

Башни смотрят на Святого Вита,
Юные на старческий венец, —
Любящих детей большая свита,
Он — отец.

У собора святого Вита

В который раз я снова перед ним,
Попахивает затхлостью и гнилью,
Колонны, окна серые от пыли,
Мне что-то шепчут говорком своим.

Соседний дом усыпан завитками,
Амурами — смеется рококо.
Здесь сумрачно, но на душе легко,
Она уже парит над облаками.

Я, наконец-то, понял *casus rei*¹⁷;
Сравненье помогло времен далеких:
Стоит священник, в черном весь, высокий,
И дама рядом с ним *rei soleil*¹⁸.

В соборе

Свод, металлом и камнями
Разукрашенный горит.
Лик святой не различит
Глаз за тусклыми свечами.

Высоко под потолком,
Словно ангела головка,
Лампа, сделанная ловко,
Свет струится ручейком.

А в углу, у витража,
Мальчик, грязный, весь в лохмотьях,

¹⁷ Смысл происходящего — *лат.*

¹⁸ Короля-солнце — *франц.*; король-солнце — французский король Людовик XIV (1638–1715).

На святую тихо смотрит,
Плечи зябкие дрожат.

Все в сиянии течет
В грудь его благословенье...
Легкое, как дуновенье:
«Здравствуй!» — руку подает.

В капелле святого Вячеслава

Стены разными камнями
Изукрашены; топаз,
Аметист, хрусталь огнями
Яркими ласкают глаз.

Не понять — который краше,
Воздух от огней дрожит.
Здесь, под золотою чашей,
Вячеслава прах лежит.

Очарован красотой.
Все горит — и купол полный.
Неподдельно-золотой
Блеск у желтых карнеолов.

На сторожевой вышке

Как много башен, тени их изменчивы.
Тупая, острая и вновь меняет вид.
Притихший город в сумерках лежит.
Ко лбам прохожих с лаской жметса вечер.

Темно и тихо. Большого не требуй.
Святой Марии блещут острия —
Две парных башни сзади вижу я.
Два усика сосут чернила неба?

Здание (I)

Я не люблю в строительстве шаблонов.
Мне по́ сердцу старинные дома.
Террасы каменные — музыка сама,
Притягивает, манит полутьма
Уютных и таинственных балконов.

В просторной зале старой лютни звуки,
Под сводами нашли себе приют.
По стенам ниши — сколько же их тут!
Оттуда тихо сумерки плывут —
Протягивают ласковые руки.

Но что я вижу: толстая стена
Из тесаного камня — дом доходный,
И сразу выступает пот холодный,
Мне, даже если будет превосходной,
Архитектура эта не нужна.

В комнатке (II)

Уютно. Кто-то тихо завывает
В камине и на пыльном чердаке.
Шкаф примостился скромно в уголке.
На нем часы — шагают по доске.
Их еле слышный ход не замолкает.

В шкафу, с костюмом рядом, силуэт
С изящным локоном — глядит на брюки.
Забыта прялка, а когда-то руки
Ее ласкали, издавая звуки,
Их домом стал покинутый спинет.

Душа тех звуков не боится боли —
«Канон» старинный на столе лежит,
Он мудростью и силою дарит,
Из каждой ниши трепетно звучит
Библейское: «Твоя да будет воля...»

Чары (III)

Я вижу таинственный комнатный мир,
Там стены болтают без умолка,
Там тянет ручонки к мадонне — возьми —
Не девушка, девочка, куколка.

Хорошенький мальчик стоит и отец
С ним рядом, он — дома хранитель.
Молитву возносят, и шепот сердец
Не может не слышать Родитель.

Оставила прялку спокойная мать.
От радости взор мой туманится.
Я слышу, как бас начинает звучать:
«Аминь», — все мы с миром останемся.

Иное (IV)

Застыли у родительских дверей.
Им тяжело. Шагнуть не смеют дальше.
«Действительно с невестой, мой мальчик?!
Ну, так вперед, входите же скорей!»

Она вошла, поправив прядь рукой,
Спокойная, хоть здесь ее не знают.
Отец очки, волнуясь, протирает:
«Черт побери! Хорош же выбор твой!»

И для нее теперь он стал отцом,
Благословя, невесту обнимает,
Смущенно поцелуй та принимает...
Свидетелем всему был старый дом.

Еще одно (V)

Он пришел — замлело сердце,
Девичья душа дрожит.
Счастье, горе предстоит —
Никуда уже не деться.

Прялка больше не стучит.
Мать: «Ну, что, моя подруга?»
Всхлипывает и молчит.
Все же поняли друг друга.

Тут в ворота слышен стук. —
«... Вы хотели?» — ждет ответа. —
«Ну, конечно, милый друг!»
В старом доме было это.

И последнее (VI)

Бледна, устала — видеть жалко.
«Прощай, папуля дорогой!» —

И бессознательно рукой
Дотронулась до катафалка.

Пытается утешить муж —
Взял за руки, глядит моляще.
Она не видит настоящего —
Вся, где переселенье душ.

«Мамуля, на, букет возьми!» —
Сказал ребенок, словно врач. —
Улыбка тлеет через плач
Над старым домом и людьми.

В балконной комнатке (VII)

Обыденность — ее я избегаю,
Я в старом доме, я принес букет;
И хоть на окнах занавесок нет,
Сквозь стекла темные едва проходит свет,
И что за ними, я не различаю.

Здесь жили предки, с простотой циновки
Они, как в счастье, в этот мир шагнули.
Как в нем уютно! Я сижу на стуле —
В мечтах о прошлом мысли утонули —
Средь дедовской домашней обстановки.

Ноябрьский день

Холодом невыносимым тянет,
Голоса веселые молчат,
Скорбные колокола звучат,
Колокольня спрятана в тумане.

Влага крыш блестит, как сонный кафель,
Ветер злой холодною рукой
Прикасается к трубе печной —
Взял аккорд, последний, эпитафии.

В придорожной часовне

Пред ликом Лоретто виднеется свет
В простой придорожной часовне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru